

ПУБЛИКАЦИИ

Е. А. ТАХО-ГОДИ*

ЮЛИЙ АЙХЕНВАЛЬД В ФИЛОСОФСКИХ РАЗДУМЬЯХ О ДОСТОЕВСКОМ, РЕВОЛЮЦИИ И ПУТЯХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹

Статья посвящена публикациям известного литературного критика первой четверти XX в. Ю.И. Айхенвальда, связанным с празднованием 100-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского в 1921 г. Юбилей великого романиста, отмечавшийся в эпоху русской революции, порождает не только размышления над индивидуальным стилем писателя, но приводит критика к философским раздумьям о России и революции, о путях дальнейшего развития всей русской литературы. Требуя «преодоления Достоевского» как в литературе, так и в самой жизни, Айхенвальд не стремится к элементарному «отрицанию» Достоевского. Критик поднимает вопросы и общеэстетического характера (о соотношении Достоевского и Пушкина, Достоевского и Толстого), и социально-политические (об отношении к Достоевскому в новой социалистической России, о Достоевском и революции). Неприятие революции делает Достоевского в глазах Айхенвальда одним из «духовных вождей» мыслящей России, достойным занять место рядом со своим великим кумиром и антиподом — Пушкиным.

Ключевые слова: русская литература, Ф.М. Достоевский, революция, философско-литературная критика, Ю.И. Айхенвальд.

Перечислять все, что писал Ю.И. Айхенвальд о Ф.М. Достоевском, в настоящей небольшой публикации представляется избыточным². Как

* Елена Аркадьевна Тахо-Годи, д-р филол. наук, проф. кафедры истории русской литературы МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН, зав. отделом Библиотеки-музея «Дом А.Ф. Loseva» — takho-godi.elena@yandex.ru.

Elena A. Takho-Godi, Dr. Sci. in Philology, Professor at the Department of History of Russian literature at M. V. Lomonosov Moscow State University; Leading Research Fellow at the Department of the Russian the late 19th — early 20th centuries literature at A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences; Head of the Department at The Library-Museum “A. F. Losev House”.

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432-П).

² Основные публикации Айхенвальда о Достоевском учтены в следующих указаниях: Белов С.В. Материалы для библиографии русской зарубежной литературы о Достоевском (1920–1971) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 10. СПб., 1992. С. 255–282; Белов С.В. Материалы для библиографии русской зарубежной литературы

известный литературный критик, практически еженедельно публиковавшийся в прессе, Айхенвальд так или иначе — прямо или косвенно — о Достоевском писал на протяжении всего своего творчества, что, к сожалению, за редкими исключениями³, остается вне поля зрения исследователей. Но для нас сейчас важнее обратить внимание на другое — на то, что Достоевский не принадлежал к числу любимых Айхенвальдом писателей. Совпадали они, пожалуй, в одном: главным литературным кумиром критика был, как и у Достоевского, Пушкин⁴. И именно Пушкину — как эталону гармонического отношения к миру — Айхенвальд Достоевского противопоставлял. Он видит в его творчестве «злое дарование», не просто, как Н. К. Михайловский, «жестокий талант», но даже «писателя-дьявола»⁵, страдающего и заставляющего мучиться своих читателей. В очерке о Достоевском в «Силуэтах русских писателей» Айхенвальд выстраивает характеристику Достоевского как явного антипода Пушкина: «Пушкин тоже хотел жить, чтобы мыслить и страдать, но его страдание было запечатлено светлостью, которой не пришлось испытать Достоевскому, рыцарю черного духа, страстотерпцу черной болезни. И это знаменательно, и это трогательно, что всю свою жизнь тяготел он к Пушкину, хранил к нему благоговейное чувство и, сам изнывая от внутренних дисгармоний, молился на его целомудрие, на дивную гармоничность его красоты. К ногам Татьяны склонил он свою повинную, преступную голову и в пушкинских героях увидел ту всечеловечность, которую приписывал всей России, считая Россию мировой категорией»⁶.

В отечественной модернистской критике Айхенвальд с его неприязнью Достоевского, с желанием Достоевского «преодолеть», конечно, не был исключением⁷. Однако описать отношение Айхенвальда к ве-

о Достоевском (1920–1992) // Русские эмигранты о Достоевском. СПб., 1994. С. 393–428; Белов С. В. Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг. СПб., 2011.

³ “Tolstoy, Dostoevsky, Nabokov: Aikhenvald and the Stakes of Criticism” (Stephen Blackwell, Tatyana Gershkovich, Randall Poole), National Convention of the Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies (ASEEES), Washington, D. C. (ноябрь 2016 г.).

⁴ См.: *Takho-Godi E. A.* Пушкин в философско-эстетической системе Ю. И. Айхенвальда // В спектре адекватности: К 60-летию И. А. Есаулова / Сост. Ю. Н. Сытина. СПб., 2020. С. 138–150; *Takho-Godi E. A.* Yuly Aykhenvald: In Search of Aesthetic and Historiosophical Harmony // Studies in East European Thought. 2020. Vol. 72, iss. 3–4. Spec. iss. A Symbiosis of Russian Literature and Philosophy / Ed. by E. A. Takho-Godi. P. 313–331.

⁵ *Айхенвальд Ю. И.* Достоевский // Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей: в 3 вып. 3-е изд. Вып. 2. М., 1913. С. 128.

⁶ Там же. С. 135.

⁷ См.: *Герасимов Ю. К.* Союзники по «преодолению Достоевского»: М. Горький и Д. Мережковский. Статья 1: М. Горький // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 15. 2000. С. 27–43; *Герасимов Ю. К.* Союзники по «преодолению Достоевского»: М. Горький и Д. Мережковский. Статья 2: Д. С. Мережковский // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 16. СПб., 2001. С. 272–287; *Ронен О.* Тезисы против Ф. М. Достоевского в словесности русского модернизма // Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века:

ликому романисту просто одним словом «нелюбовь» было бы несомненным упрощением. В таком случае невозможно объяснить появление из-под его пера в эпоху чествования 100-летия Достоевского текстов, которые к элементарной «нелюбви» никак не сводятся.

Одним из таких текстов, воспринятых некоторыми современниками исключительно в духе «отрицания Достоевского», была публикация Айхенвальда «Особое мнение. К 100-летию рождения Ф.М. Достоевского»⁸. Возможно, что такое впечатление текст Айхенвальда произвел на современников, так сказать, «по трафарету». В середине 1910-х гг. наделали много шума его выступление против В.Г. Белинского⁹, его речь об отрицании театра¹⁰ — резонанс этого выступления и последующей публикации был такой, что воспоминания о ней продолжали жить до середины 1920-х гг., вызывая все новые и новые отклики и ответные реплики. Может быть, именно репутация «отрицателя» и сыграла тут роль: «особое мнение» Айхенвальда было воспринято как очередное «отрицание» — теперь Достоевского.

Так, прореволюционно настроенному театральному критику Э.М. Бескину, обычно в своих статьях усердно громившему Айхенвальда, после напечатания айхенвальдовского «Особого мнения» стало казаться, что в «общей позиции» Айхенвальда «произошел заметный сдвиг»¹¹. Вероятно, поэтому в статье «На новых путях» Э.М. Бескин осторожно оговаривал, что тревожит «“силуэт” прежнего Айхенвальда лишь постольку, поскольку он объективно являл собою в то время типичное выражение буржуазной точки зрения на искусство, как некий божественно-мистический акт»¹². Он даже предполагал, что в настоящий момент «талантливый Айхенвальд», возможно, «и сам квалифицировал бы свое “отрицание театра”, как отрицание лишь буржуазного, иллюстративного театра и весь “спор о театре” поставил бы в иную плоскость»¹³. Эту гипотезу он основывал как раз на айхенвальдовском «Особом мнении», в котором его поверхностный взгляд выхватил лишь последние строки о том, что «нам, гражданам социалистического отечества, с Достоевским не по пути, что нашей республике не подобает славить годовщину его рождения и что необходимо сделать выбор между Достоевским и ею, республикой этой»¹⁴. Снисходительно замечая,

традиции, трактовки, трансформации: К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф.М. Достоевского / Отв. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи; сост. Е.А. Тахо-Годи. М., 2012. С. 304–313.

⁸ Айхенвальд Ю.И. Особое мнение. К 100-летию рождения Ф.М. Достоевского // Вестник литературы. 1921. № 10 (34). С. 1–2.

⁹ Айхенвальд Ю.И. Спор о Белинском. Ответ критикам. М., 1914. 100 с.

¹⁰ См.: В спорах о театре: сборник статей. М., 1913. 199 с.

¹¹ Бескин Э.М. На новых путях // О театре. Тверь, 1922. С. 13.

¹² Там же. С. 16.

¹³ Там же. С. 15.

¹⁴ Айхенвальд Ю.И. Особое мнение. К 100-летию рождения Ф.М. Достоевского // Вестник литературы. 1921. № 10 (34). С. 2.

что, хотя эта «точка зрения несколько узкая», она не лишена основания, учитывая, что «дифирамбисты» Достоевского «старались всячески “прикрыть” в нем апологета мрачного самодержавия, казенного православия и полицейского национализма», Э.М. Бескин тем не менее подчеркивал, что между Айхенвальдом, прославлявшим индивидуалистическое творчество, и Айхенвальдом, «не приемлющим как гражданин социалистического отечества чествования Достоевского, целая пропасть»¹⁵.

Э.М. Бескин, однако, не был единственным, кто не уловил скрытой иронии в айхенвальдовском требовании логической последовательности от революционной общественности, взявшейся перекрашивать Достоевского в «красное», увековечивая на свой лад память писателя, положившего всю душу на разоблачение революционной «бесовщины». К подобному приему, к которому прибег Айхенвальд в 1921 г., взяв на себя смелость выступать от имени граждан социалистической республики, будет спустя десятилетие прибегать и его горячий поклонник — философ А.Ф. Лосев¹⁶ в своей лагерной прозе, где заставит любимого героя, философа и тонкого знатока музыки Николая Вершинина требовать «запрещения всех музыкальных форм, кроме элементарных маршей, танцев и легкой увеселительной музыки типа водевилей и оперетты»¹⁷ во имя диктатуры пролетариата: «И только музыка одна стоит неприкосновенно, как при самом батюшке-царе. Как пятьдесят лет назад вы слушали сонату Бетховена, так вы ее и сейчас слушаете, — как будто бы ничего не случилось за пятьдесят лет, как будто бы и не было никакой социальной революции! Ну, можно ли себе представить, чтобы кто-нибудь из нас посмел бы сейчас в большой столичной аудитории проповедовать и расписывать какого-нибудь современника Бетховена в области поэзии или философии? <...> Ясно, что это какое-то недоразумение, требующее немедленного ликвидации. <...> Бетховен — такой революционер, что это не мешало ему быть около высоких особ и пользоваться их благодеяниями. Это не мешало ему быть протестантом и мистиком. Да и революционность эта чисто буржуазная. Живи он теперь и будь русским, он, конечно, спасался бы в эмиграции. <...> Следовательно, запрещать Шопена и Чайковского и оставлять Бетховена — это жалкая, бессильная, несмелая мыслишка, желающая сразу

¹⁵ Бескин Э.М. На новых путях // О театре. Тверь, 1922. С. 16.

¹⁶ См.: Тахо-Годи Е.А. А.Ф. Лосев и Ю.И. Айхенвальд: к истории биографических и эстетических схождений // Вопросы философии. 2020. №9. С. 150–165; Тахо-Годи Е.А. Философ и литературный критик: к истории взаимоотношений А.Ф. Лосева и Ю.И. Айхенвальда // «Музыка — Философия — Культура». VIII Международная научная конференция. Музыкальная наука в истории культуры: философские аспекты и методологические основания. К десятилетию журнала «Научный вестник Московской консерватории». Тезисы докладов. М., 2020. С. 49–51.

¹⁷ Лосев А.Ф. Встреча // Лосев А.Ф. «Я сослан в XX век...» / Сост., коммент. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого: в 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 348.

угодить революции, и соблности элементарное буржуазное приличие. <...> Революции в нашей музыке еще нет. И наступит она тогда, когда будет разрушено до последнего основания самое это искусство и когда оно из бесплотного, стихийного и мистически-субъективного самоуглубления и утончения изолированных личностей станет реально-спланированным, объективным производством, существующим лишь в меру пригодности его для целей пролетарской диктатуры»¹⁸. Выслушав Вершинина, собеседники сразу понимают, что эта речь не что иное, как «тонкая провокация», недаром его оправдания, что «это не провокация, а логика», марксист Бабаев тут же парирует, что в данном случае «логика есть провокация», ибо, как договаривает другой собеседник, логика ведет к неожиданным «разоблачениям»¹⁹.

Собеседники лосевского Вершинина, однако, оказались идейно более чуткими, нежели читатели Айхенвальда, которые в 1921 г. в его «Особом мнении» не почувствовали ни логического разоблачения, ни провокации. Не уловили ее среди оглушительной революционной риторики тех лет и в редакции напечатавшего мнение Айхенвальда журнала «Вестник литературы».

Предваряющая публикацию Айхенвальда редакционная статья «К «особому мнению» о Ф. М. Достоевском» объясняла читателям «Вестника литературы», что «Достоевского нельзя судить по отдельным произведениям и публицистическим выступлениям», что «он не был умственным вождем и политиком», что его следует почитать как «выдающегося писателя-романиста и гениального сердцеведа», не смущаясь тем, что он был и «поборником самодержавия, заскоружлого православия, ненавидел инородцев и т. д.», на что редакции уже указывали революционно-ориентированные передовые «недоумевающие читатели»²⁰. Редакция полагала, что «не все согласятся с проф. Айхенвальдом» в том, что современному поколению «с Достоевским не по пути», но призывала читателей учесть «взгляды талантливого критика и авторитетного историка нашей литературы, так много сделавшего для раскрытия и истолкования сокровенного смысла ее произведений, для прославления ее творцов»²¹. Вместе с тем редакция обещала «недоумевающим читателям» специально обсудить этот текст по существу, что и было вскоре исполнено. В № 12 «Вестника литературы» за тот же 1921 г. появилась публикация ученика П. Н. Сакулина по Московскому университету Н. Н. Фатова «Как же относиться к Достоевскому?», где автор ставил себе целью «установить правильный взгляд на Достоевского», а вместе с тем и «истинный смысл» утверждения Айхенвальда о том, что надо сделать выбор между Достоевским и республикою, так

¹⁸ Там же. С. 347–349.

¹⁹ Там же. С. 350.

²⁰ К особому мнению о Ф. М. Достоевском // Вестник литературы. 1921. № 10 (34). С. 1.

²¹ Там же.

как «истинный смысл этих слов некоторыми понят не так, как следовало»²². Правда, Н. Н. Фатов так и не разъясняет, как же, с его точки зрения, надо понимать слова Айхенвальда, преимущественно сосредоточившись на установлении «правильного взгляда на Достоевского и его воззрения»²³.

Прежде всего он констатирует, что русская литература «всегда была провозвестницею великих идеалов свободы», хотя не обязательно, что сами писатели «по своей жизни и по своим убеждениям были революционерами»²⁴. Однако к убеждениям писателя надо относиться как к «историческому факту», причем даже при реакционных воззрениях автора его произведения, помимо его воли, «могут служить и служат делу свободы и революции»²⁵. Вот почему реакционные воззрения Достоевского никак не противоречат тому, что его произведения «во многом революционны», ибо даже «беспристрастное изображение» им русского общества «является прекрасной *против него агитацией*»²⁶. В доказательство этого тезиса Н. Н. Фатов ссылается не только на мысли Макара Девушкина, карамазовщину, но и на Гоголя-реакционера и на его революционные и агитирующие против николаевского строя «Ревизора» и «Мертвые души». Не забывает он указать и на значение Достоевского как «величайшего психолога», чьи открытия могут быть весьма полезны для понимания человека «гражданам социалистической России»²⁷. Не забывает он указать и на него как на «одного из крупнейших наших писателей философов»²⁸. Хотя его решения философских проклятых вопросов «граждан социалистической России» и не могут удовлетворить, но им «эти вопросы гениально поставлены»²⁹. Поэтому «граждане социалистической России» могут воспользоваться сочинениями Достоевского «как материалом, а решать философские вопросы и ставить исторические прогнозы будем сами»³⁰. При аргументации, конечно, не забыто и то, что «Достоевский — великий *писатель*, великий *художник слова и мастер языка*», «пороро трагического»³¹.

Сейчас трудно установить с полной достоверностью, было ли «Особое мнение» Айхенвальда изначально лишь журнальной заметкой или все-таки оно было не только напечатано, но и озвучено вслух критиком, любившим, как уже отмечалось выше, публичные выступления

²² Фатов Н. Н. Как же относиться к Достоевскому? // Вестник литературы. 1921. № 12 (36). С. 10.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

и открытые полемики. Когда 12 и 13 октября 1910 г. (в два вечера) в Москве на сцене МХТ прошла премьера спектакля по отрывкам из романа «Братья Карамазовы», Айхенвальд откликнулся на постановку лекцией³². В год столетия Достоевского вечеров, речей и публичных диспутов было достаточно. И по крайней мере об одном вечере с участием Айхенвальда есть некоторые сведения.

В связи с 100-летием писателя Политехнический музей организовал три вечера — 10, 12 и 13 ноября, где, помимо чтения артистами Художественного театра и его студии отрывков из произведений великого романиста, были сделаны соответственно три доклада: Айхенвальда «Душа Достоевского», В. Поссе «Религия Достоевского» и А. В. Лунначарского «Достоевский как художник и мыслитель»³³. Судя по всему, именно эта речь Айхенвальда появилась в начале 1922 г. в журнале «Новая жизнь» под названием «Памяти Достоевского»³⁴ и ныне публикуется нами. Недаром слово «душа» столь часто повторяется в этом тексте.

Как часто бывало у Айхенвальда, склонного многократно дошлифовывать, дописывать и перекраивать свои тексты (лучшим примером служат его многократно переиздававшиеся и каждый раз в той или иной степени подвергавшиеся редактуре «Силуэты русских писателей»), критик и на этот раз прибег к обширным автоцитатам, частично используя и свой «силуэт» о Достоевском из «Силуэтов русских писателей»³⁵, и свою публикацию 1921 г. в «Вестнике литературы». Последнее позволяет выдвинуть гипотезу, что свое «особое мнение» Айхенвальд не преминул выразить публично и на вечере в честь Достоевского в Политехническом музее. Правда, в журнале «Новая жизнь» нет подобного выпада. Критик предлагает отказаться от Достоевского и преодолеть его с другой, уже не с политической, а скорее с философско-психологической точки зрения: «<...> он (Достоевский. — *Е. Т.-Г.*) — трагическая категория духа, которой миновать нельзя и которая в большей или меньшей степени обязательна для каждого. Чрез Достоевского, но к Пушкину, к Толстому — такова магистраль духовного пути, который проложила русская литература для русского читателя»³⁶. Такое «преодоление», вероятно, представлялось ему в революционную эпоху особенно насущным, так как Достоевский ощущался критиками начала

³² См.: *Нич.* Еще о «Карамазовых» // *Голос Москвы*. 1910. 24 нояб.

³³ См.: *Ветринский Ч.* Дни Достоевского (письмо из Москвы) // *Вестник литературы*. 1921. № 12 (36). С. 9. Об этом также сообщалось в разделе «Хроника» журнала «Печать и революция» (1921. № 3. С. 299).

³⁴ *Айхенвальд Ю. И.* Памяти Достоевского // *Новая жизнь*. 1922. № 1. С. 10–13.

³⁵ Впервые в составе сборника: *Айхенвальд Ю. И.* Достоевский // Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей: в 3 вып. Вып. 2. М., 1908. С. 90–108. (Переиздано, см.: *Властитель дум: Достоевский в русской критике конца XIX — начала XX века*. СПб., 1997).

³⁶ *Айхенвальд Ю. И.* Памяти Достоевского // *Новая жизнь*. 1922. № 1. С. 13.

1920-х гг. «все еще современным писателем» — во-первых, потому что «можно сказать, что вся современная художественная литература идет по стопам Достоевского, как литература классическая шла по стопам Пушкина», во-вторых, потому что «современность еще не изжила тех проблем, которые решаются в творчестве этого писателя»³⁷.

В то же время пафос, с которым Айхенвальд призывал вернуться от Достоевского назад, к Льву Толстому, к Пушкину, заставляет вспомнить не о малосимпатичном ему Д. С. Мережковском с его завершенным в 1902 г. трактатом «Л. Толстой и Достоевский», но о менее громкой, хотя не менее философски-продуманной книге 1910 г. «О Достоевском и Льве Толстом» В. Вересаева, противопоставлявшего мертвый мир христианина Достоевского тому пиршеству «живой жизни», на которое так щедра кисть Толстого-художника. Правда, выражено это у Айхенвальда в свойственной ему импрессионистической, лаконичной манере. Ему не пришло бы в голову (не тот был критический темперамент) попытаться создать объемный трактат, подобно вересаевскому. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что, в отличие от симпатизировавшей Достоевскому русской неоидеалистической традиции, к которой Айхенвальд с его культом индивидуальности был, несомненно, близок, превозносимый им Толстой в философском отношении был скорее метафизическим имперсоналистом. Однако у этого парадокса, справедливо отмеченного в 2016 г. американским исследователем русской мысли Р. Пулом³⁸, есть философское основание — философия Шопенгауэра, оказавшая влияние и на Толстого, и на Айхенвальда. Недаром С. Л. Франк подчеркивал в некрологе Айхенвальду: «Будучи философом по своему первоначальному университетскому образованию, он обогатил русскую философскую литературу прекрасным переводом полного собрания сочинений Шопенгауэра, заменившим старый, частичный и весьма неудовлетворительный перевод Фета»³⁹.

Оказавшись после высылки в 1922 г. на «философском пароходе» в эмиграции, в Берлине, Айхенвальд в 1923 г. вновь вернется к Достоевскому в наиболее насущном для эпохи ракурсе: включит в цикл статей «Революция и литература» рецензию на книгу Б. П. Вышеславцева «Русская стихия у Достоевского» под названием «Достоевский и русская революция»⁴⁰. Тема эта, громко прозвучавшая еще в 1906 г. в религиозно-публицистической работе Д. С. Мережковского «Пророк русской революции», максимально актуализировалась после событий

³⁷ *Переверзев В.* Достоевский и революция (К столетию со дня рождения) // Печать и революция. 1921. № 3. С. 3.

³⁸ Устное выступление на заседании: «Tolstoy, Dostoevsky, Nabokov: Aikhenvald and the Stakes of Criticism», National Convention of the Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies (ASEEES).

³⁹ *Франк С. Л.* Памяти Ю. И. Айхенвальда // Путь (Париж). 1929. № 15. С. 125.

⁴⁰ *Каменецкий Б.* [Айхенвальд Ю. И.] Достоевский и русская революция (Революция и литература). II // Сегодня. 1923. № 107, 24 мая. С. 2–3.

1917 г. «В дни революции Достоевского следует вспомнить не только ради столетнего юбилея, — писал в 1921 г. Переверзев в статье “Достоевский и революция”, — но и ради самой революции, революционного самопознания»⁴¹. Можно сказать, что и Айхенвальд вполне в духе своего времени пытался в текстах Достоевского увидеть именно пронизательный «психоанализ революционной России»⁴², той революции, с которой он активно боролся⁴³.

В тексте 1923 г., для которого критик в очередной раз перекроит свои прежние публикации, в том числе 1921 и 1922 гг., повторяются знакомые пассажи о Достоевском как о писателе-колдуне, наколдовавшем России революцию, которую читатели теперь «перечитывают» в самой реальности, о «пловце страшных человеческих глубин, искателе черных жемчужин», об изобразителе страданий и одновременно «художнике-хищнике». Однако есть здесь и новое. И не только нанизаны тут дополнительные примеры поразительных прозрений писателя, предвосхитившего «многое и многое из нашей фантастической действительности» — от уничтожения конечной буквы «ь» до сути социализма как «верха клеветы на природу людей, верха уничтожения всякой свободы людей», когда сама революционная логика делает очевидным, что «не надо высших способностей», науки, образования, гениев, что в мире шигалевщины «Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспира побивают камнями»⁴⁴. Достоевский оказывается в этом своем предвидении для Айхенвальда не просто «живописцем катастроф», чьи глаза, «зоркие во мгле, всегда были напряженно раскрыты на роковую незаконченность, на крамольность и взволнованность бунтующего духа»⁴⁵. Теперь Айхенвальд утверждает не только то, что «Достоевский — к лицу революции, и революция — к лицу ему» как «сопричастнику безумия». Теперь он видит в революции пародию и на те идеалы свободы, который лелеял Достоевский, за которые он оказался на Семеновском плацу и на каторге, и одновременно пародию на все «великие, заветные, свято чтимые идеи» и «те верования, которыми жила душа русской литературы, которые составляли пафос русских духовных вождей, — между ними и самого Достоевского»⁴⁶. Именно в противостоянии революции Достоевский в глазах Айхенвальда оказывается и одним из «духовных вождей»

⁴¹ *Переверзев В.* Достоевский и революция (К столетию со дня рождения) // Печать и революция. 1921. №3. С. 4.

⁴² Там же. С. 10.

⁴³ Об отношении Айхенвальда к революции см.: *Кочергина И. В.* К вопросу об оценке русской революции в критике и публицистике Ю. И. Айхенвальда // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. №11 (77): в 3 ч. Ч. 3. С. 25–30.

⁴⁴ *Каменецкий Б.* [Айхенвальд Ю. И.] Достоевский и русская революция (Революция и литература). II // Сегодня. 1923. №107, 24 мая. С. 2.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 3.

мыслящей России, и тем великим русским писателем, который достоин стать рядом с Пушкиным: «Два великих писателя написали по такому произведению, которое называется “Бесы”, — Пушкин и Достоевский. Один дополняет другого. И одинаково вспоминаются теперь как страницы знаменитого романа, так и стихи знаменитой баллады», задающей столь значимо звучащий для каждого переживающего революцию русского человека вопрос: «Сбились мы. Что делать нам?»⁴⁷

Для самого Айхенвальда революционное лихолетье и эмиграция стали толчком для более внимательного взглядывания в Достоевского, пусть и не ставшего любимым автором, но которого нельзя просто «миновать» или просто «преодолеть». Может быть, этим и объясняется появление целого ряда текстов Айхенвальда о Достоевском в эмигрантских газетах «Руль» и «Сегодня», а также предисловия к вышедшей в Берлине небольшой книжке «Две жены. Толстая и Достоевская» (1925). Но все это уже никак не связано с празднованием столетия Достоевского в революционную эпоху, а потому — тема для другого исследования.

*Ю. Айхенвальд*⁴⁸

ОСОБОЕ МНЕНИЕ К 100-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Писатель вьедчивый, с воспаленной душою и горячечным мозгом, художник-хищник, тигр слова, вот уже сто лет как родился он — там, в больнице, в обители своего любимого страдания, чашу которого он пил, чашей которого поил всю свою жизнь. И несмотря на эти протекшие десять десятилетий, он является современником нашего лютого времени — именно потому, что он же был его предтечей и предсказателем. Революция — ему к лицу, как он — к лицу революции. Ибо понимал Достоевский, что она идет изнутри: для него революция — категория психологическая, обязательная стихия сердца, и человек — наследник хаоса, первичного и неизжитого беспорядка, вечный носитель смуты и тревоги. Всегда сопутствует душе тень трагедии. Знаменитый романист — психолог⁴⁹ метаний, живописец катастроф. Он не представляет себе нашего существа спокойным и благообразным, однажды навсегда устроенным: нет, глаза Достоевского, зоркие во мгле, напряженно раскрыты на роковую незаконченность, на внутреннюю крамольность и беспокойство бунтующего духа. И потому

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Републикация текстов Ю. И. Айхенвальда подготовлена Е. А. Тахо-Годи в Институте мировой литературы имени А. М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ, проект № 17–18–01432-П).

⁴⁹ В публикации ошибочно через дефис, а не тире: «романист-психолог».

создатель «Бесов» — живой, одушевленный эпитаф к теперешней кровавой летописи; мы ныне как бы перечитываем, действительно и страдальчески перечитываем этот роман, претворившийся в действительности, мы его сызнава, вместе с автором, сочиняем; мы видим сон, исполнившийся наяву, и удивляемся ясновидению и предчувствиям болезненного сновидца. Как некий колдун, Достоевский наворожил России революцию.

Значительная часть интеллигенции гадала по Достоевскому. Но и сам он темной загадкой стоит перед нею, этот пловец страшных человеческих глубин, искатель черных жемчужин, русской души. Его мистическое мировоззрение, его колебание между Христом и Великим Инквизитором, большие откровения его чрезмерно содержательной, испещренной, изборожденной души — все это являет собою жуткую тайну, и мы пристально и тревожно вглядываемся в это необыкновенное лицо. Но в таинственном мире Достоевского есть одна совершенно ясная область⁵⁰. И как раз она, для людей последовательных, делает неуместным и незаконным чествование его памяти современной Россией. Я имею в виду его политические и социальные убеждения. Их он выражал совершенно недвусмысленно.

Возьмем несколько примеров.

Кармазинов выражается так: «Россия есть теперь по преимуществу то место в целом мире, где все что угодно может произойти без малейшего отпора»⁵¹. Или в «Дневнике писателя» мы читаем: «Дай всем этим современным высшим учителям полную возможность разрушить старое общество и построить заново, то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое и бесчеловечное, что все здание рухнет под проклятием человечества, прежде чем будет завершено. Раз отвергнув Христа, ум человеческий может до удивительных результатов»⁵². Или, в том же «Дневнике» о социализме — правда, не научном, а французском — Достоевский пишет: «за достижение цели (всечеловеческого единения) мы (приобщившиеся к социализму) приняли то, что составляло верх экономической бестолковщины и безурядицы, верх клеветы на природу человека, верх уничтожения всякой свободы людей»⁵³. Наконец, он и такое мнение высказал: «Самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутомимого, везде и во всем. Этой жаждой страдания, он, кажется, заражен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет

⁵⁰ В публикации ошибочно запятая: «область, И как раз».

⁵¹ *Достоевский Ф. М.* Бесы. Ч. II. Глава VI. «Петр Степанович в хлопотах» (10, 287).

⁵² *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. 1873. XVI. Одна из современных фальшей (21, 133).

⁵³ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. 1877. Январь. Глава вторая. II. Мы в Европе лишь стрючки (25, 21).

ключом⁵⁴ из самого сердца народного»⁵⁵. Если бы в этом последнем пункте Достоевский был прав, то мы могли бы ему сообщить, поведать его тени, что указанная им жажда русского народа, кажется, утолена теперь в полной мере. Но не спорить с творцом «Преступления и наказания» хочется мне, а только заявить, определенно и прямо, что нам, гражданам социалистического отечества, с Достоевским не по пути, что нашей республике не подобает славить годовщину его рождения и что необходимо сделать выбор между Достоевским и ею, республикой этой.

ПАМЯТИ ДОСТОЕВСКОГО

Человек с воспаленной душой и горячечным мозгом, вот уже сто лет как родился он — там, в больнице, в обители своего любимого страдания, чашу которого он пил, чашей которого поил всю свою жизнь. И, несмотря на эти протекшие десять десятилетий, он является современником нашего времени — именно потому, что он же был его предтечей и предсказателем. Революция — ему к лицу, как он — к лицу революции. Ибо понимал Достоевский, что она идет изнутри: для него революция — категория психологическая, обязательная стихия сердца, и смута заложена в нас от века. Он — живой, одушевленный эпиграф к теперешней трагической летописи, которая пишется кровью; мы ныне как бы перечитываем, действенно и страдальчески перечитываем его знаменитый роман, претворившийся в действительности; мы видим сон, случившийся наяву, и удивляемся догадливости гениального сновидца. Колдун Достоевский наворожил России революцию. И в его стиле движется наша действительность.

Все знают, как пришел Достоевский в русскую литературу. Никогда не забудет она той белой майской ночи 1845 года, когда Некрасов и Григорович в восторге от только что прочитанной рукописи «Бедных людей» прибежали к бедному юноше; в эту белую петербургскую ночь взошла звезда Достоевского — звезда, жутко-блестящая, светило прекрасных и зловещих предзнаменований. С тех пор не только не померкла она на русском горизонте, но и зовет к себе все более и более пристальные и тревожные взоры; значительная часть нашей интеллигенции гадает по Достоевскому. Но и сам темной загадкой стоит он перед нею, этот пловец⁵⁶ страшных человеческих глубин, искатель черных жемчужин, рудокоп души; не мы, а он чувствует себя хорошо в человеческой мгле, — он зорко разбирается там, как сова в лесу, ночная птица мудрости.

⁵⁴ В публикации: «ключем».

⁵⁵ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. 1873. V. Влас (21, 36).

⁵⁶ В публикации опечатка, напечатано: полвец.

От страниц Достоевского не тянет дыханием полудня, ароматом простой и непосредственной, бездумной и наивной жизни. Если в его ранних опытах еще можно уловить целительное веяние природы и в «Маленьком герое», например, стелется зеленое лето, благоухают полевые цветы, летают золотые пчелы, то чем глубже он становится самим собой, тем безнадежнее, как от ядов Анчара, блекнет вокруг него всякая зелень, и острая мысль, нервная и неугомная, заслоняет в его глазах все внешние декорации мира, всю красоту божьего пейзажа. Достоевский — тот Адам, который уже невосвратно изгнан из первоначального Эдема, из покойного естества, который уже навеки отравил себя запретным плодом сознания. Поэтому нет у него природы. Он понял бы, но не почувствовал бы, что значат слова Толстого: «жениться на природе»; он не ощущает тоски по этой мистической жене⁵⁷. В противоположность Толстому<, > сыну «великих матерей»⁵⁸, принципиально не выделяющему человека из остальной семьи космоса, Достоевский не опускается в недра всеобщего бытия. Он далек от пантеизма и от вольного язычества; его ненасытная душа алчет одного только человеческого элемента, одной только специфичности нашей, его интересует только homo sapiens или homo insipiens⁵⁹, что, впрочем<, > означает для него одно и то же. Природа — ребенок, человек — взрослый. Как не любоваться на ребенка, как не любить его? Но уменьшить себя до его размеров, но снизить к нему и его элементарности навсегда — разве это возможно и желанно? Больше чем кто-либо поднялся над дитятей-природой творец Ивана Карамазова — нерадостное преимущество и горькая победа! Сомнения взрослого<, > слишком взрослого разума, ума, переходящего в безумие, тревоги мирозерцания, перепроизводство

⁵⁷ Вероятно, имеется в виду слова Л. Н. Толстого из письма к А. А. Фету от 12 мая 1861 г., впервые опубликованного А. А. Фетом в «Русском обозрении» в 1890 (т. I, с. 66): «<...> природа, на которой женился посредством купчей крепости или от которой родился по наследству, еще лучше. Своя собственная природа. И холодная она, и неразговорчивая, и важная, и требовательная, но зато это уж такой друг, которого не потеряешь до смерти, а и умрешь, все в нее же уйдешь». Толкование, приданное Айхенвальдом этой толстовской мысли, на самом деле гораздо ближе тому, о чем писал о. Павел Флоренский в работе «Общечеловеческие корни идеализма»: «Маг уже не человек, не просто субъект, для которого мир есть просто объект. Нет тут ни субъекта, ни объекта. Теряется это различие в дружеском или враждебном слитии с природой, в этом объятии или в этой схватке с тайными силами. Он — часть природы, она — часть его. Он вступает в брак с природой, и тут — намек на теснейшую связь и почти неразделимую слиянность между оккультными силами и метафизическим корнем пола. Двое становятся одним. Мысли мага сами собой вливаются в слова. Его слова — уже начинающиеся действия. Мысль и слово, слово и дело — нераздельны, — одно и то же, тождественны. Дело рождается само собой, как плод этого брачного смешения кудесника и природы» (*Священник Павел Флоренский. Общечеловеческие корни идеализма // Богословский вестник. 1909. Т. 1. № 2. С. 296*).

⁵⁸ Аллюзия на гетевского «Фауста», во второй части которого Мефистофель рассказывает Фаусту о таинственных Матерях (Часть вторая. Действие первое. «Мрачная галерея»).

⁵⁹ Человек разумный — человек неразумный (*лат.*).

души; вот что разлучило нашего писателя с природой, вот за что он отлучил ее от себя — или она отлучила его от себя?

Но, помимо этого, у Достоевского есть с природой еще особые счеты. Он не может простить ей того, что она сделала на вершине Голгофы. Природа виновата перед Христом. При взгляде на картину Гольбейна «Снятие со креста»⁶⁰ Достоевский предается мучительному размышлению о том, что естество даже на этот раз не захотело отказаться от железной поступи своих законов, что оно и в данном случае осуществило смерть — хотя бы и временную (в светлом чуде воскресения природа капитулировала перед духом, и смерть была поправа). «Природа — огромный и отвратительный тарантул, огромный, неумолимый и немой зверь, или громадная машина, которая бессмысленно захватила, раздробила и поглотила в себя, глухо и бесчувственно, великое и бесценное Существо, такое Существо, которое одно стоило всей природы и всех законов ее, всей земли, которая и создавалась-то<, > может быть, единственно для одного этого Существа»⁶¹. Вот характерное для Достоевского осуждение природы, ее тупости, вот его пренебрежение к физике во имя метафизики. Так уходит он от всякой нормы, олицетворенное исключение, и над царством обычной необходимости, мировых законов хочет воздвигнуть какие-то особые селения, где человек был бы показан в своих отличиях от прочей вселенной, в своей исключительной духовной и религиозной требовательности, в своем «капании мирам иным»⁶².

При этом, однако, собственная религиозность Достоевского вовсе не спокойна и устойчива: верующий, он знает все соблазны безверия, все «наглые пробы» кощунства⁶³, и это он сам вместе с Версильовым разбивает образ⁶⁴, и слишком веришь ему, когда он утверждает: «да их глупой природе и не снилось такой силы отрицания, которую перешел я. И в Европе такой силы атеистических выражений нет и не было. Стало быть, не как мальчик же я верую во Христа и его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла, как говорит у меня же черт»⁶⁵. Благополучно ли прошла у него осанна через горнило сомнений? Ододел ли он в себе чорта? И не мешает ли его Христу его Антихрист?

Но если сомнительно христианство Достоевского, как неизбежное и благостное утверждение, то несомненна зато его безмерная

⁶⁰ Достоевский Ф. М. Идиот. Часть вторая (8, 181–182).

⁶¹ Там же.

⁶² Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Часть вторая. Кн. VI. Русский иннок. III. Из бесед и поучений старца Зосимы. «О молитве, о любви и о соприкосновении мирам иным» (14, 288).

⁶³ Ср. рассуждения Лебедева: Достоевский Ф. М. Идиот. Часть третья (8, 314).

⁶⁴ Достоевский Ф. М. Подросток. Часть третья. Глава десятая (13, 409).

⁶⁵ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 27: Дневник писателя, 1881. Автобиографическое. Dubia / текст подгот. и примеч. сост. А. М. Березкин и др. Л., 1984. С. 86.

углубленность в человеческую душу. Из его романов следует даже, что человек — слишком душа. Наш автор-психолог злоупотребляет психикой. Он не считается с тем, что в сущности людям души отпущено в меру. Вопреки действительности, его герои переполнены душевным, и оно бьет у них через край. Они страдают гипертрофией души. В силу этой гиперболизации писателю открываются огромные, бездонные внутренние миры — там, где иному видится лишь бесцветная плоскость. Достоевский одержим глубиной. Он знает только третье измерение. К тому же, душевную жизнь он любит брать в ее максимуме — художник-максималист. Кипение духа доводит он до предельного градуса. И не только кажется, что сам он пишет свои произведения, объятый жаром и бредом, при температуре очень высокой — оставаясь, однако, как это ни странно и противоречиво, себе на уме, на безумном уме, — но в таком же ускоренном и лихорадочном темпе живут и его персонажи: они слишком живут. Мы, читатели, против этого готовы протестовать: ведь мы знаем, что обычно струны на нашем душевном инструменте натянуты совсем не туго, что лишь в исключительные моменты наши психические состояния напряжены и обострены, а все остальное время они бледны, срединны, вялы, — почему Достоевский эти струны, эти нервы натягивает именно туго, до последнего предела, до крайней возможности, так что еще мгновение, и лопнут они, и разобьется, не выдержит хрупкое сердце человека? Такой избыток психизма объясняется тем, что создатель «Бесов» себя изображает, о себе говорит, — а у него душевная книга в самом деле чрезмерно содержательна и нужны ему все эти бесчисленные действующие лица, все эти страдающие лица нужны ему как живые иероглифы, как причудливые начертания, которыми можно было бы написать для человечества свою авторскую исповедь, дантовскую картину своей интимной личности, развернуть ее сложную, запутанную, испещренную хартию. Его психологический анализ иногда морально утомляет, становится праздным, начинает довлеть себе; и этой бесплодной и безнравственной затейливостью своих арабесок он возмущал бы, если бы в нем не сказывались искренние и большие откровения самого автора с его перегруженной и загроможденной душой. Это она рембрандтовским светом, или рембрандтовской темнотой светит сквозь всю запутанность интриги в его романах, сквозь всю эту чехарду и чепуху событий, сквозь толчею и сутолоку идей и чувств, образующих какой-то шабаш ведьм. По его собственному выражению, из анекдота он делает пирамиду. Писатель введчивый, художник-хищник, тигр слова, он страстно впивается в жизнь, придирается к ней, каждую мелочь ставит ей в счет; он как будто нащупывает самый пульс жизни, полемизирует с ней, как с противником, и точно состязается с нею в неожиданности выходов и выдумок. *Ars longa vita brevis*⁶⁶, — дела много, жизни мало.

⁶⁶ Искусство вечно, жизнь коротка (лат.).

Как выражается один из его героев, жизнь коротка для того, чтобы «не наскучить», ибо она — «тоже художественное произведение самого Творца, в окончательной и безукоризненной форме пушкинского стихотворения; краткость есть первое условие художественности»⁶⁷. Но в таком случае надо было бы признать нехудожественными сочинения самого Достоевского, потому что ведь не кратки они. Не кратки, зато нет в них ничего лишнего; чувствуется только, что короткое «пушкинское стихотворение» жизни, этот классический сосуд, наш романист хочет заполнить возможно большим и возможно разнообразнейшим содержанием, т. е. преодолеть несоответствие между *ars* и *vita*, между избытком жизненного дела и кратковременностью самой жизни. И вот, на его страницах такое избытие и такое разнообразие. «Сам Толстой<, > — писал ему Страхов<, > — сравнительно с вами однообразен»⁶⁸. Но не потому ли это, что космос вообще однообразнее хаоса? И часто разнообразное бывает безобразно. Этого, конечно, нельзя сказать про Достоевского, потому что, вопреки его самооценке, у него есть чувство меры и рано или поздно сведет он все-таки главные концы с концами, найдут выходы из лабиринта; но когда думаешь о мере у Достоевского, то не следует упускать из виду, что таблица мер у него — своя, необычная. На какой-то специальной плоскости надо рассматривать его, за пределами нормальных очертаний, и от принятых критериев реализма здесь необходимо отказаться. Ведь есть особенная реальность у сновидений, и нельзя от них требовать логики, и нельзя сетовать на сумбурность их подвижных узоров. А Достоевский рассказывает нам сновидения своей души, и потому необязательна для него внешняя правдоподобность и соразмерность. Да правдоподобности нет и у самой, так называемой, реальной жизни, ибо «что может быть фантастичнее и неожиданнее действительности, что может быть даже невероятнее»⁶⁹ иногда действительности?»⁷⁰ У Достоевского — именно такая фантастика, более подлинная, чем явь. Он грезит, бредит, но и в бреде мудрой Пифии есть свой вещий смысл. Впрочем, лучше сказать, что автор «Преступления и наказания» видит сны наяву, так как сущность его душевной жизни — сплошная бессонница. Если представить себе человека, который никогда своему сознанию не дает ни забвения, ни отдыха, ни срока, который бодрствует и днем и ночью, беспрестанно думает, неусыпно терзает себя сверлящей и заостренной мыслью, одновременно Прометей и коршун Прометей, то это вечно воспаленное существо будет очень походить на Достоевского. Бессонница, это — бессмертие, потому что

⁶⁷ *Достоевский Ф. М.* Подросток. Ч. II. Гл. 8 (13, 256).

⁶⁸ Письмо Н. Н. Страхова к Ф. М. Достоевскому от 12 апреля 1871 г.: «Очевидно — по содержанию, по обилию и разнообразию идей Вы у нас первый человек и сам Толстой сравнительно с Вами однообразен».

⁶⁹ В публикации ошибочно: невероятное.

⁷⁰ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. 1876. Март. Глава вторая. I. Дон Карлос и сэр Уаткин. Опять признаки «начала конца» (22, 91).

сон, это — смерть; бессонница — та форма бессмертия, в которой оно является смертным и в которой доказывает свою мучительность, свою психологическую невозможность и нежеланность. Бессмертный смертный, бессонный сновидец, Достоевский только и делает, что живет — без перерыва и остановки, без спокойной ночи, без промежутков сладостного небытия. И оттого мир был для него гораздо больше, полнее и содержательнее, чем для нас, периодически отсутствующих из мира и вообще нечутких к нему. Мир валился на него, подавлял его грудой своих событий и происшествий, посылал ему в нестерпимом изобилии свои волны и вибрации, раздражал и мучил его обнаженные нервы. И Достоевский страдал от непомерности того содержания, которое, в силу своей организации, был он обречен носить в себе, как Атлас, принужденный держать на своих плечах всю ношу неба. Все замечая, все ощущая, маятником своей изощренной восприимчивости отсчитывая каждую секунду психического времяпрепровождения, ничего не пропуская и ни одной минуты не теряя даром, он каждый день переживал как целую жизнь. У его героев, т. е. у воплощений его собственной личности, у них и у него — только жизней, сколько дней. День — прообраз жизни. День пережить — не поле перейти.

Такая напряженность существования не может протекать безнаказанно. Нельзя, чтобы душа состояла сплошь из событий, — и душа заболевает. Недуги ее наполняют и напитывают почти целиком творчество великого каторжника. Но сам он не признавал своей человеческой галереи какой-то клиникой, не считал своих героев натурами патологическими: он не проводил резкой границы между нормой и аномалией и думал, что никто не смеет зарекается от сумасшествия — растет повсюду и для всякого эта белена. Участники мирового кошмара, узники мирового Бедлама, мы все — обреченные, одержимые. Где ум, там и безумие, — по крайней мере, потенциальное. Стоит несколько ярче разгореться тем обычным искрам, которые тлеют под пеплом любого сердца, — и вот уже взлетает над бедным разумом нашим красный петух помешательства. И потому у Достоевского — постоянное бурление больных страстей, и пройти сквозь строй его страниц — это значит причинить своей душе кровавые рубцы. «Жестокий талант»⁷¹ писателя об этом не беспокоится: не только не примет он во внимание нашей читательской деликатности и нервности, но и обрушится на них бичами и скорпионами своего инквизиторского дарования. В другом месте нам случилось уже однажды назвать его Иваном Грозным русской литературы⁷². И право на этот мрачный титул он, кажется, имеет особен-

⁷¹ Аллюзия на название статьи о Ф. М. Достоевском Н. К. Михайловского «Жестокий талант» 1882 г.

⁷² Айхенвальд отсылает к своему очерку «Достоевский», вошедшему в его книгу «Силуэты русских писателей»: «Мучитель и мученик, Иван Грозный русской литературы, он казнит нас лотой казнью своего слова и потом, как Иван Грозный, живой человеческий анчар, ропщет и молится, и зовет Христа, и Христос приходит к этому безумцу

но потому, что, как и грозный царь, был он одновременно и мучитель, и мученик. Истязал он не только других, но и себя, — и притом себя в первую очередь. Где-то в складках души заключал он в себе того Николая Ставрогина, которого спрашивал Шатов: «правда ли, что маркиз де Сад мог бы у вас поучиться?»⁷³ Но и противоположное садизму, жажда не чужой, а собственной боли, сладострастие мученичества, — это тоже было свойственно его изборожденной противоречиями натуре. Царству боли разнообразно причастный, художник страдания, в «Записках из подполья» говорящий даже о наслаждении зубной боли, исполненный какого-то изуверства, не кроткою молитвою Гефсиманского сада молящийся Отцу, а, напротив, взыскующий горькой чаши, Лаокон<,> сам идущий навстречу своим змеям, — Достоевский страшен, и бывают минуты, когда его не только боишься, — когда его хочется ненавидеть, когда точно бесом среди своих бесов выступает он из ада своего, изобразитель карамазовского чорта, сам принимающий образ писателя-дьявола.

Не то, чтобы не хотел Достоевский душевной примиренности и гармонии, религиозной тишины и ласки, — об этом говорят достаточно и его молитвенные порывы, и лучезарные образы Алешки, Зосимы, Макара Ивановича, и дети у него, и мужик Марей, и культ светлого Пушкина; но только была так дисгармонична и трагична его организация, что завершить и успокоить ее, озарить ее солнцем, разрешить ее противоречия высшим синтезом он был не в силах. «Я... я буду верить в Бога», — говорит у него Шатов⁷⁴. На будущее своей души надеялся и Достоевский. А пока он эту душу только творил, зарабатывал себе, в поте лица своего трудился для своего ожидаемого, но до конца не обретенного просветления. Благостной уверенности он все-таки не добился. Мира все-таки не принял Иван Карамазов⁷⁵ и создатель Карамазова. Но, отвергая произведение, тем самым отвергаешь и автора. И вселенная неотвратимо рисовалась Достоевскому как зияние, как «дьяволов водевиль»⁷⁶, и были раскрыты его глаза на беззаконность и антиномичность, на роковую неустроенность внутреннего человека. В себе и в других он видел эти провалы безумия и преступления, совмещение, как он выражался, идеала Мадонны с идеалом Содомы⁷⁷, вак-

и мудрецу, к этому юродивому, и тогда он плачет кровавыми слезами и упоенно терзает себя своими веригами, своими каторжными цепями, которые наложили на него люди и которых он уже и сам не мог сбросить со своей измученной души.

⁷³ *Достоевский Ф. М.* Бесы. Часть вторая. Глава первая. Ночь. VII (10, 201).

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. Часть вторая. Кн. V. Гл. III. Братья знакомятся: «Я не бога не принимаю, пойми ты это, я мира, им созданного, мира-то божьего не принимаю и не могу согласиться принять» (14, 214).

⁷⁶ *Достоевский Ф. М.* Бесы. Часть третья. Глава шестая. Многотрудная ночь. II (10, 471).

⁷⁷ *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. Часть первая. Кн. III. Глава III. Исповедь горячего сердца. В стихах: «Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший

ханалию диких инстинктов, соблазны самоубийства и даже убийства («все любят, что он отца убил»<,> — говорит Лиза про Дмитрия Карамазова⁷⁸), распаленное «паучье» сладострастие, и, может быть, только потому для него не погибал, не заваливался мир, что держится последний благодаря равновесию преступления и наказания. Всякий виноват во всем; мы — соучастники всех преступлений, оттого что есть круговая порука общей виноватости, грандиозная кооперация человеческого греха⁷⁹. Первородную вину человека, его прирожденную преступность, т. е. способность своеволия, Достоевский чувствовал, как никто. Но он же понимал, что на другой чаше мировых весов симметрически лежит противовес к преступлению — наказание. Мы несчастны, русский народ недаром преступников называет несчастными, свои страдания мы заслужили — значит, справедливость соблюдена.

Достоевский себя не преодолел, но другим он оставил завет: преодолеть в себе Достоевского. Ибо не случайность он, не просто эпизод психологический, одна из возможных встреч на дороге, или на бездорожья русской жизни, не бредовое приключение ночной души: нет, он — трагическая категория духа, которой миновать нельзя и которая в большей или меньшей степени обязательна для каждого. Чрез Достоевского, но к Пушкину, к Толстому — такова магистраль духовного пути, который проложила русская литература для русского читателя.

Библиографический список

- Айхенвальд Ю. И.* Памяти Достоевского // Новая жизнь. 1922. № 1. С. 10–13.
Айхенвальд Ю. И. Достоевский // Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей: в 3 вып. Вып. 2. М., 1908. С. 90–108.
Айхенвальд Ю. И. Особое мнение. К 100-летию рождения Ф. М. Достоевского // Вестник литературы. 1921. № 10 (34). С. 1–2.
Айхенвальд Ю. И. Спор о Белинском. Ответ критикам. М., 1914. 100 с.
Белов С. В. Материалы для библиографии русской зарубежной литературы о Достоевском (1920–1971) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 10. СПб., 1992. С. 255–282.

даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы» (слова Дмитрия Карамазова) (14, 100).

⁷⁸ *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. Кн. XI. Глава III: «Послушайте, теперь вашего брата судят за то, что он отца убил, и все любят, что он отца убил» (15, 23).

⁷⁹ Ср. сходные формулировки из «Братьев Карамазовых»: «всякий из нас пред всеми во всем виноват, а я более всех» (Часть вторая. Книга VI. Русский инок. II. Из жития в бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы, составлено с собственных слов его Алексея Федоровича Карамазовым. Сведения биографические. а) О юноше брате старца Зосимы, 14, 262); «...знай, что воистину всякий пред всеми за всех и за все виноват. Не знаю я, как истолковать тебе это, но чувствую, что это так до мучения» (Там же).

- Белов С. В.* Материалы для библиографии русской зарубежной литературы о Достоевском (1920–1992) // Русские эмигранты о Достоевском. СПб., 1994. С. 393–428.
- Белов С. В.* Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг. СПб., 2011. 755 с.
- Бескин Э. М.* На новых путях // О театре. Тверь, 1922. С. 8–32.
- В спорах о театре: сборник статей. М., 1913. 199 с.
- Ветринский Ч.* Дни Достоевского (письмо из Москвы) // Вестник литературы. 1921. № 12 (36). С. 9.
- Властитель дум: Достоевский в русской критике конца XIX — начала XX века. СПб., 1997. 656 с.
- Герасимов Ю. К.* Союзники по «преодолению Достоевского»: М. Горький и Д. Мережковский. Статья 1: М. Горький // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 15. СПб., 2000. С. 27–43.
- Герасимов Ю. К.* Союзники по «преодолению Достоевского»: М. Горький и Д. Мережковский. Статья 2: Д. С. Мережковский // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 16. СПб., 2001. С. 272–287.
- К особому мнению о Ф. М. Достоевском // Вестник литературы. 1921. № 10 (34). С. 1.
- Каменецкий Б.* [Айхенвальд Ю. И.] Достоевский и русская революция (Революция и литература). II // Сегодня. 1923. № 107, 24 мая. С. 2–3.
- Кочергина И. В.* К вопросу об оценке русской революции в критике и публицистике Ю. И. Айхенвальда // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 11 (77): в 3 ч. Ч. 3. С. 25–30.
- Лосев А. Ф.* «Я сослан в XX век...» / Сост., коммент. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого: в 2 т. М., 2002. 576 с., 688 с.
- Нич.* Еще о «Карамазовых» // Голос Москвы. 1910, 24 нояб.
- Переверзев В.* Достоевский и революция (К столетию со дня рождения) // Печать и революция. 1921. № 3. С. 3–10.
- Ронен О.* Тезисы против Ф. М. Достоевского в словесности русского модернизма // Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации: К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского / Отв. ред. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи; сост. Е. А. Тахо-Годи. М., 2012. С. 304–313.
- Тахо-Годи Е. А.* А. Ф. Лосев и Ю. И. Айхенвальд: к истории биографических и эстетических схождений // Вопросы философии. 2020. № 9. С. 150–165.
- Тахо-Годи Е. А.* Пушкин в философско-эстетической системе Ю. И. Айхенвальда // В спектре адекватности: К 60-летию И. А. Есаулова / Сост. Ю. Н. Сытина. СПб., 2020. С. 138–150.
- Тахо-Годи Е. А.* Философ и литературный критик: к истории взаимоотношений А. Ф. Лосева и Ю. И. Айхенвальда // «Музыка — Философия — Культура». VIII Международная научная конференция. Музыкальная наука в истории культуры: философские аспекты и методологические основания. К десятилетию журнала «Научный вестник Московской консерватории». Тезисы докладов. М., 2020. С. 49–51.
- Фатов Н. Н.* Как же относится к Достоевскому? // Вестник литературы. 1921. № 12 (36). С. 10.

Франк С. Л. Памяти Ю. И. Айхенвальда // Путь (Париж). 1929. № 15. С. 125.
Takho-Godi E. A. Yuly Aykhenvald: In Search of Aesthetic and Historiosophical
Harmony // Studies in East European Thought. 2020. Vol. 72, iss. 3–4. Spec.
iss. “A Symbiosis of Russian Literature and Philosophy” / Ed. by E. A. Takho-
Godi. P. 313–331.

E. A. Takho-Godi

YULY AIKHENWALD IN PHILOSOPHICAL REFLECTIONS
ON DOSTOEVSKY, REVOLUTION AND THE WAYS
OF RUSSIAN LITERATURE⁸⁰

The article is devoted to the publications of the famous literary critic of the first quarter of the twentieth century, Yu. I. Aikhenwald, related to the celebration of the 100th anniversary of the birth of Fyodor Dostoevsky in 1921. The anniversary of the great novelist was celebrated in the era of the Russian Revolution. This gives rise not only to reflections on the individual style of the writer, but also forces the critic to engage in philosophical reflections on Russia and the revolution, on the ways of further development of all Russian literature. In demanding the “overcoming of Dostoevsky” both in literature and in life itself, Aikhenwald does not seek an elementary “negation” of Dostoevsky. The critic raises questions of a general aesthetic nature (about the relationship between Dostoevsky and Pushkin, Dostoevsky and Tolstoy), and socio-political (about the attitude to Dostoevsky in the new socialist Russia, about Dostoevsky and the revolution). The rejection of the revolution makes Dostoevsky in the eyes of Aikhenwald one of the “spiritual leaders” of thinking Russia, worthy to take a place next to his great idol and antipode — Pushkin.

Key words: Russian literature, F.M. Dostoevsky, revolution, philosophical and literary criticism, Yuly Aikhenwald.

References

- Aikhenval'd Iu. I. Pamiati Dostoevskogo. *Novaia zhizn'*. 1922. No. 1. P. 10–13. (In Russ.)
Aikhenval'd Iu. I. Dostoevskii. In: Aikhenval'd Iu. I. *Siluety russkikh pisatelei*: V 3 vyp. Vyp. 2. Moscow, 1908. P. 90–108. (In Russ.)
Aikhenval'd Iu. I. Osoboe mnenie. K 100-letiiu rozhdeniia F. M. Dostoevskogo. *Vestnik literatury*. 1921, no. 10 (34). P. 1–2. (In Russ.)
Aikhenval'd Iu. I. *Spor o Belinskom. Otvet kritikam*. Moscow, 1914. 100 p. (In Russ.)

⁸⁰ The investigation was carried out at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial support of Russian Science Foundation (RSF, project № 17–18–01432-II).

- Belov S. V. Materialy dlia bibliografii russkoi zarubezhnoi literatury o Dostoevskom (1920–1971). In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*. T. 10. Saint Petersburg, 1992. P. 255–282. (In Russ.)
- Belov S. V. Materialy dlia bibliografii russkoi zarubezhnoi literatury o Dostoevskom (1920–1992). In: *Russkie emigranty o Dostoevskom*. Saint Petersburg, 1994. P. 393–428. (In Russ.)
- Belov S. V. F. M. *Dostoevskii. Ukazatel' proizvedenii F. M. Dostoevskogo i literatury o nem na russkom iazyke, 1844–2004 gg.* Saint Petersburg, 2011. 755 p. (In Russ.)
- Beskin E. M. Na novykh putiakh. In: *O teatre*. Tver', 1922. P. 8–32. (In Russ.)
- Fatov N. N. Kak zhe odnositsia k Dostoevskomu? *Vestnik literatury*. 1921, no. 12 (36). P. 10. (In Russ.)
- Frank S. L. Pamiati Iu. I. Aikhenval'da. *Put'* (Parizh). 1929, no. 15. P. 125. (In Russ.)
- Gerasimov Iu. K. Soiuzniki po "preodoleniiu Dostoevskogo": M. Gor'kii i D. Merezhkovskii. Stat'ia 1: M. Gor'kii. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*. T. 15. Saint Petersburg, 2000. P. 27–43. (In Russ.)
- Gerasimov Iu. K. Soiuzniki po "preodoleniiu Dostoevskogo": M. Gor'kii i D. Merezhkovskii. Stat'ia 2: D. S. Merezhkovskii. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*. T. 16. St. Petersburg, 2001. P. 272–287. (In Russ.)
- Kamenetskii B. [Aikhenval'd Iu. I.] Dostoevskii i russkaia revoliutsiia (Revoliutsiia i literatura). II. *Segodnia*. 1923, no. 107, 24 maia. P. 2–3. (In Russ.)
- Kohergina I. V. K voprosu ob otsenke russkoi revoliutsii v kritike i publitsistike Iu. I. Aikhenval'da. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, 2017. No. 11 (77): v 3 ch. Ch. 3. P. 25–30. (In Russ.)
- K osobomu mneniiu o F. M. Dostoevskom. *Vestnik literatury*. 1921, no. 10 (34). P. 1. (In Russ.)
- Losev A. F. "Ja soslan v XX vek..." , sost., komment. A. A. Takho-Godi, E. A. Takho Godi, V. P. Troitskogo: v 2 t. Moscow, 2002. 576 p., 688 p. (In Russ.)
- Nich. Eshche o "Karamazovykh". *Golos Moskvy*. 1910, 24 noiab. (In Russ.)
- Pereverzev V. Dostoevskii i revoliutsiia (K stoletiiu so dnia rozhdeniia). *Pechat' i revoliutsiia*. 1921, no. 3. P. 3–10. (In Russ.)
- Ronen O. Tezisy protiv F. M. Dostoevskogo v slovesnosti russkogo modernizma. In: *F. M. Dostoevskii i kul'tura Serebrianaogo veka: traditsii, traktovki, transformatsii: K 190-letiiu so dnia rozhdeniia i k 130-letiiu so dnia smerti F. M. Dostoevskogo*, otv. red. A. A. Takho-Godi, E. A. Takho-Godi; sost. E. A. Takho-Godi. Moscow, 2012. P. 304–313. (In Russ.)
- Takho-Godi E. A. A. F. Losev i Iu. I. Aikhenval'd: k istorii biograficheskikh i esteti-cheskikh skhozhenii. *Voprosy filosofii*. 2020, no. 9. P. 150–165. (In Russ.)
- Takho-Godi E. A. Pushkin v filosofsko-esteticheskoi sisteme Iu. I. Aikhenval'da. In: *V spektre adekvatnosti: K 60-letiiu I. A. Esaulova*, sost. Iu. N. Sytina. Saint Petersburg, 2020. P. 138–150. (In Russ.)
- Takho-Godi E. A. Filosof i literaturnyi kritik: k istorii vzaimootnoshenii A. F. Loseva i Iu. I. Aikhenval'da. In: "Muzyka — Filozofia — Kul'tura". *VIII Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia. Muzykal'naia nauka v istorii kul'tury: filosofskie aspekty i metodologicheskie osnovaniia. K desiatiletiiu zhurnala "Nauchnyi vestnik Moskovskoi konservatorii"*: Tezisy dokladov. Moscow, 2020. P. 49–51. (In Russ.)

Takho-Godi E. A. Yuly Aykhenvald: In Search of Aesthetic and Historiosophical Harmony. In: *Studies in East European Thought*. 2020. Vol. 72. Iss. 3–4. Spec. iss. “*A Symbiosis of Russian Literature and Philosophy*”, ed. by E. A. Takho-Godi. P. 313–331.

V sporakh o teatre: Sbornik statei. Moscow, 1913. 199 p. (In Russ.)

Vetrinskii Ch. Dni Dostoevskogo (pis'mo iz Moskvy). *Vestnik literatury*. 1921, no. 12 (36). P. 9. (In Russ.)

Vlastitel' dum: Dostoevskii v russkoi kritike kontsa XIX — nachala XX veka. Saint Petersburg, 1997. 656 p. (In Russ.)